

фантастическая
история

Книги Константина Калбазова
в серии «Фантастическая История»

РОСИЧ. КОНЦЕРН
РОСИЧ. И ПРИШЕЛ С ГРОЗОЙ ВОЕННОЙ...
РОСИЧ. МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ...

МОСКВА, 2012

фантастическая
история

Константин Калбазов

Росич.
Мы наш,
ты новый...

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К17

Калбазов К. Г.

К17 Росич. Мы наш, мы новый...: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 345 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1180-1

Колоссальное напряжение, огромные средства, все для фронта, все для победы. Трое наших современников, провалившиеся во времени, готовы пойти на многое, дабы победить и дать шанс своей Родине пойти иным путем. Их усилия не проходят даром, колесо истории таки вильнуло. Но сошло ли оно со старой колеи или это только временное явление и все вернется на круги своя? Достаточно ли того, что уже сделано, или это только начало? И есть ли иной путь или все напрасно и ход истории уже предопределен? Вопросы, вопросы...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1180-1

© Калбазов К. Г., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Глава 1

ПРИБЫТИЕ В АРТУР

Солнечный луч отыскал прореху в глухой обороне тяжелых непроницаемых штор и замер на стене, ярко осветив изображенную на обоях тройку, несущуюся во весь опор, как и положено, с бубенцами и покрикивающим, лихо заломившим картуз с пышным цветком возницей и сидящими в коляске хмельными от счастья молодыми. Свадьба. Вроде бы и обои, и рисунок не раз повторяется, но выполнено все с большим мастерством и любовью, а потому взгляд невольно задерживается. Впрочем, могло ли быть иначе, на косметический ремонт родительского дома Светлана не скупилась, к чему, собственно, если муж сказал о расходах даже не задумываться и тратить столько, сколько вздумается. Вот она и расстаралась, закупив все только самое дорогое, а дорогое — оно потому и дорогое, что и качество, и мастерство. Но как ни красива была картинка, непоседливому лучу никак не усидеть на одном месте, вот он пополз дальше по стене, выхватив березовую рощу, а вот он уже на кровати, высвечивает цветочки на подушке, а вот ему стало скучно иметь дела с неодушевленными предметами, и он решил поозорничать, скользнув на лицо спящего.

Светлана, задохнувшись от охватившей ее нежности, смотрела за тем, как Антон героически борется с солнечным проказником, но даже и не подумала встать и задернуть шторы поплотнее — уж больно забавен в этот момент был муж. Наконец, не выдержав пытки светом, Антон открыл глаза.

— Здравствуй, милый.

— Доброе утро. — Улыбка словно сама собой включилась на его лице, без какого-либо участия с его стороны. — Который час?

— Девять.

— Ничего себе. — Антон как ошпаренный выскочил из постели. Что-то он расслабился в последнее время. Нет, понятно, что вчера денек был не из легких, да и ночь, хотя на ночь грех жаловаться, но тем не менее это не повод отлеживать бока, когда дел невпроворот.

— Ты куда? — не удержавшись, прыснула в кулачок Светлана.

— Слишком много дел на сегодня, так что извини.

— Ты меня не любишь. — Звучало это не как вопрос, а как утверждение. Была склонность у молодой жены к смене настроений — как ветер в мае.

— Что за глупости?

— Никакие это не глупости. Чуть свет ты убегаешь из дома и не появляешься до самого вечера, а когда приходишь, то вечно хмурый и думаешь о чем-то о своем... — Ну как ребенок, ей-богу. Только что светилаешься счастьем, а вот губки надула.

— Прости, милая, но время сейчас очень тяжелое. Идет война. Сережа с Семеном застряли в Порт-Артуре, и все свалилось на меня.

— Так вызови их. Что им делать там, где они подвергаются опасности, там ведь идет война? — А вот теперь в тоне мелькнуло что-то такое, чего раньше не было. Это что же, девочка делает пробные шаги в области влияния на мужа? Интересно, но всему свое время и место.

— Света, давай договоримся раз и навсегда: ты никогда не будешь влезать в мои дела, какими бы они ни были. Никогда. Ты — моя жена, и тебя касается только то, что относится к семье. Все. Остальное — не твоего ума дело. И не надо дуться. Вот такой я самодур. — Ага, самодур, ничуть не

бывало, и здесь это норма, не то что в его прошлом или будущем, ну понятно, в общем.

Все случилось шесть лет назад, когда трое друзей случайно встретились в уютном ресторанчике Владивостока. Продолжение банкета имело место в квартире Звонарева. Выпито было немало, рассказано тоже, в процессе разговора выяснилось, что Сергей Звонарев, друг и однокашник Песчанина, решил серьезно заняться паранормальными явлениями, и даже якобы в черте города ему удалось обнаружить самую настоящую аномальную зону. Вот и отправились друзья все втроем на обследование этой самой зоны. Что и как там произошло доподлинно, им так известно и не стало, а предположения Звонарева остались на уровне ничем не подтвержденных домыслов, но факт остается фактом. Загуляв в 1998-м и направившись вечером на указанный Звонаревым пустырь, поутру они проснулись в 1898-м.

Хорошо еще, они оказались не лицами тонкой душевной организации, а достаточно толстокожими и с довольно гибким мышлением, чтобы не сойти с ума. Оказавшись на новом месте, да что там, в новом мире, иначе и не скажешь, потому как все было иное — и эпоха (а что, вполне себе и эпоха, а не просто время), и нравы, и даже язык, — друзья начали вливаться в существующее общество. Чтобы обеспечить себе безбедное существование, они начали изобретать то, что вполне могло бы появиться, так как имеются для этого и уровень развития, и технологии, вопрос остается только в том, чтобы подать идею.

Когда с бытом более или менее наладилось, они решили начать добычу золота в будущей Магаданской области, на неприметной речушке Авеково. Тогда же Антон поведал друзьям о своем намерении вмешаться в ход истории и обеспечить России преимущество в русско-японской войне, а заодно сделать все для того, чтобы ее выиграть. Гаврилов, друг и сослуживец Песчанина, сразу и безоговорочно поддержал его, Звонарев выступил против, но вынужден был примкнуть, так как не мог их оставить. Так уж сложи-

лось, что, не имея кровных уз, они вдруг почувствовали, что у них в этом мире не было никого роднее друг друга. И вот теперь Семен и Сергей были в Порт-Артуре, а Антон не знал, что делать, так как если с первым было все понятно и в принципе все шло по плану, то второй отчего-то вдруг изменил свое решение и тоже влез в эту авантюру по самые уши.

С завтраком еще не было покончено, когда к ним пришли гости. Ну как гости... Гостями эти две женщины никак не могли быть, так как могли появиться здесь в любое время дня и ночи, — они для Антона были даже не подругами, а скорее сестрами, родными и любимыми. Вот только отношение у них к нему несколько изменилось после его возвращения. Новость о том, что их мужья были призваны на военную службу, была воспринята негативно. Если Лена, тяжело вздохнув, смирилась с этим, то Аня вообще не желала ничего понимать и откровенно разозлилась на Сергея, весь мир и Антона заодно. Что он мог с этим поделать? Понятно, что женщина, привычная к тому, что ее Сережа всегда дома и весь такой спокойный и домашний, сильно удивилась и не на шутку разволновалась, когда тот решил поиграть в солдатиков. Несмотря на появившуюся натянутость в отношениях, Антон все же был рад ее видеть.

— Антон, посмотри, что пишут в газетах. — Аня тут же выложила на стол газету. Судя по всему, предлагать им разделить завтрак было бы неразумным, поэтому он взял в руки листок с печатным текстом. Ага, сообщается о том, что связь с Порт-Артуром прервана, — что же, ожидаемая новость.

— Анечка, не волнуйся, — успев прочитать название статьи, напечатанное большими буквами, поспешила успокоить подругу — да-да, теперь подругу — Светлана. — Про папу тогда тоже бог весть что написали, но все это оказалось неправдой. Ведь все это неправда? — вопросительный взгляд на Антона.

— Боюсь, что на этот раз правда. — А чем это еще могло быть — он уже давно ожидал подобного сообщения, и прои-

зошло это несколько раньше, чем указывается в газете: цензура все же, — а вот когда скрывать это стало невозможно, тогда и дали добро.

— Ты можешь вывезти их оттуда? — Гаврилова вроде бы и смирилась с непоседой мужем, но, как видно, и она пришла сюда, испытывая нешуточную надежду. Черт! Ладно Гризли, Лена покрепче будет, опять же восстание «боксеров» как-то пережила, а как быть со Звонаревой? Она-то полагает своего Сереженьку чуть не плюшевым мишкой.

— Боюсь, что это не в моих силах. Они оба поступили на службу и до конца войны не смогут ее оставить.

— Но ведь они промышленники, предприниматели, не последние люди на Дальнем Востоке.

— И что с того?

— Но ведь может же быть для них хоть какое-то исключение.

— О каких исключениях ты говоришь, Анечка? Они призваны на службу, и в первую очередь добровольно пошли на этот шаг. Да даже если бы такое и было возможно, боюсь, что они не пойдут на это.

— И что, теперь до конца войны?

— Покинуть строй они могут только в трех случаях: получить ранение, ограничивающее их годность к строю, подписать документ, в котором обязуются не участвовать в дальнейших боевых действиях, но это в случае пленения или...

— Или погибнуть, — помертвевшим голосом закончила Аня.

— Да не расстраивайтесь вы так. Сережа поступил на флот и привлечен по линии снабжения, Макаров неглуп, чтобы не распознать выгоды иметь его на данной должности, к тому же там расположен наш завод, а он завязан именно на военные поставки, так что на передовую его не пустят.

— А Семен?

— А что Семен? Он имеет большой опыт в охране железнодорожных путей, так что занимается тем, чем и занимал-

ся в свое время, вот только сейчас там на порядок все проще: последних хунхузов разогнали еще два года назад.

— Тебя послушать — так там полное благолепие, — недоверчиво взглянула на него Аня.

— Отчего же. Есть возможность попасть под бомбардировку Того, но он этими безобразиями уже не занимается — Макаров отучил. Нельзя утверждать, что навсегда, но все же. Так, дамы, был несказанно рад вас видеть, но мне уже нужно бежать. Сегодня заканчивается погрузка припасов на шхуну, нужно проследить.

— Ты хочешь сказать, что, пока наши мужья воюют в Порт-Артуре, ты больше всего озабочен тем, чтобы направить сезонных рабочих в Магадан и Авеково?

— С Порт-Артуром я поделаться ничего не могу, а вот содержать наши дела в порядке нужно.

— Но ведь это ты втравил их во все это. Я знаю. — Аня обличительно указала на него пальчиком, только комично при этом не выглядела — она сейчас походила на разъяренную фурию, так что лучше было ее не задевать. А еще лучше — просто молча ретироваться, оставив поле боя за нею. — Не уходи от ответа, Антон! Ты все время куда-то спешил, вечно опаздывал, был на взводе и беспрестанно тербил наших мужей. Такое впечатление, что ты знал об этой войне и спешно к ней готовился, а как пришло время, трусливо поджал хвост. Ведь это ты должен был быть там, а Сережа — заниматься делами здесь. Он всегда говорил: что бы ни случилось, он всегда будет рядом.

— Анечка, я был не меньше твоего удивлен его решением, поверь. Да, мы догадывались об этой войне, — а кто не догадывался? Да, мы готовились к ней, но Сережа и впрямь должен был оставаться здесь и заниматься делами.

— А Семен? — И эта туда же, боже, двух разъяренных женщин ему уже не потянуть, да ему не потянуть и одной.

— Семен должен был заниматься предприятиями концерна в Порт-Артуре при любом раскладе, — решил выдать часть правды Антон.

— А ты?

— Леночка?

— Не уходи от ответа! — Гаврилова даже притопнула ножкой.

— А я должен был отправиться в кругосветное путешествие с посещением Баден-Бадена, Куршевеля и других приятственных мест, чем и собираюсь заняться. — Видит бог, он пытался сдерживаться, но что тут поделаешь. Ну, Сережа, вот дай только бог встретить тебя живым и здоровым — сам вгонию в гроб, все через тебя, импровизатор хренов.

Боясь, что все может зайти очень далеко, Антон поспешил покинуть дом. А потом, ему и правда нужно было заняться делами. Будь его воля, уже давно его ноги не было бы во Владивостоке, но было слишком рано: ледовая обстановка в Охотском море не позволяла действовать столь поспешно; с другой стороны — уже завтра можно и выдвигаться, вот только закончить последние приготовления, ну в крайнем случае послезавтра.

Антону стоило больших трудов выпросить разрешение на выход в море, но о переброске в Авеково и Магадан сезонных рабочих пришлось забыть, так как представители власти считали, что работы на прииске следует прекратить, дабы избежать захвата золота противником. Такое же настроение было и в отношении других предприятий, так как были все шансы на то, что рыбная продукция пойдет на пополнение интендантской службы японской армии. Никакие доводы о том, что на концерне висят кредиты и их нужно выплачивать, на власти не произвели никакого эффекта. На Сучанских копиях в настоящий момент вообще все встало в связи с невозможностью вывоза угля, углевозы намертво пришвартованы к пирсам, и ничто не способно сдвинуть их с места. Большинство рабочих призваны на военную службу. Если бы успели достроить железную дорогу, которую тянули от уссурийской ветки, то, возможно, рабочих и не тронули бы, ведь уголь — это стратегическое сырье, но дорогу не закончили и наполовину. Так что рабочих призвали,

мало того — призвали и строителей с узкоколейки, а на их место прибыли каторжане.

Хорошо, хоть ему самому никто не стал чинить препятствий. Распоряжение для контр-адмирала Иессена от Макарова было однозначным: прапорщику Песчанину в выходе в море препятствий не чинить и оказать всяческое содействие. Командир владивостокского отряда крейсеров и не думал нарушать столь однозначного приказа, хотя вопросы у него и имелись. Что за выход? По какой такой надобности? Как может быть связан выход обычной шхуны с ведением боевых действий? И самое главное — отчего нигде не распространяться о том, что Песчанин является офицером флота? Одни вопросы, и никаких ответов. Ну да и бог с ним, придет время — все узнает, а сейчас у него и без того полно забот.

— Какой-то вы озабоченный сегодня, Антон Сергеевич?

— А ты разве не слышал, что Порт-Артур отрезан?

— Слышал, как не слышать, — равнодушно пожал плечами Варлам. — Да ведь это не неожиданность для вас.

А что тут скажешь? Конечно, не неожиданность, мало того — он узнал об этом в числе первых и уже успел навесить наместника, предложив услуги по обеспечению связи с Артуром. Их новые радиостанции вполне могли обеспечить устойчивую связь с Артуром из Инкоу, а оттуда информация должна была уже поступать к Алексееву в Мукден.

В это дело он решил вмешаться по двум причинам. Во-первых, ему было известно, что в той истории Стессель получил-таки распоряжение сдать дела в Артуре и выехать из крепости, вот только он скрыл телеграмму и, начав закулисную игру, сумел остаться у руля. Теперь дело должно было принять иной оборот — ведь сведения будут поступать в первую очередь к морякам, читай — к Макарову, стремящемуся сосредоточить командование в своих руках.

Во-вторых, был шанс, что при наличии практически прямой связи действия армии и осажденных будут хоть как-то скоординированы. Но труд оказался напрасным, так как

то обстоятельство, что Звонарев не допустил захвата «Маньчжурии» с грузом радиостанций, вполне позволило решить вопрос с налаживанием связи и без вмешательства друзей. Ну да, баба с возу — кобыле легче.

— Посмотрел бы я на тебя, явись с утра к тебе жены твоих друзей с настоящим требованием вытащить оттуда их мужей, — резко бросил Варламу Антон.

— А вот тут я пас, Антон Сергеевич. Я лучше еще парочку-другую шпиенов споймаю, оно попривычнее будет.

— Опять кого-то захомутали? — тут же сменил тон Песчанин.

— Майор Икуто. Упертый — жуть. Ну да и мы не лыком шиты.

— А этому что потребовалось в нашем концерне?

— Все то же. Как всегда, концерн — побочное задание. Так, разузнать, чего там эти умники скрывают.

— Плохо. Еще один офицер прогорает, едва сунув к нам нос, — эдак мы удосужимся самого пристального внимания. Значит, так, начинайте отрабатывать всю шпионскую сеть, какую только засветите. Нужно будет закопать этих разведчиков среди остальных.

— Не, нам этого не потянуть. Если начнем просто отстрел, то рано или поздно все укажет на концерн.

— Ну так привлекли полицию, у тебя ведь есть прикормленные.

— А оно им надо — светиться? Чего доброго, в жандармы уволочут, при таких-то способностях.

— Думаешь на жандармов выходить?

— Есть тут один — до славы уж очень охоч, попробую подбросить ему информацию. Вроде не дурак, должен понять, что это его шанс.

— Добро. Слушай, Андрей, как ты понимаешь, Звонарев и Гаврилов надолго засели в Порт-Артуре, как бы не до конца войны. Я не сегодня завтра тоже убываю.

— Тоже в Артур?

— Пока в Магадан, а там как масть ляжет, — не стал полностью откровенничать Антон. Не доверять своему начальнику службы безопасности у него не было никаких причин, вот только у него уже в кровь вьелось всегда и от всех скрывать свои истинные намерения — так было спокойнее.

— Во как! Чуть мне — так сразу в пику, а как сами по фене — так завсегда пожалте.

— Ты не ерничай. У меня это присказка несерьезная, а ты как на феню скатываешься, сразу другим человеком становишься — бесшабашным и чересчур самоуверенным. Так что тебе это только во вред.

— Все, Антон Сергеевич, все. Считайте, что научили уму-разуму.

— Ох, шутник. Ладно. Как там обернется в Магадане, я не знаю, буду действовать по обстановке. Порт-Артур Порт-Артуром, а если у нас там бардак да без меня никак, то, как говорится, своя рубаха ближе к телу. Но в любом случае выходит, что ты тут старшим на хозяйстве остаешься.

— Чего я-то сразу? На заводе есть свое начальство, в НИИ тоже есть кому заниматься, в банке вообще акула сидит. Я тут при чем? Мое дело — сторона, только безопасность.

— А я тебе и не предлагаю влезать в научные разработки или заниматься производством и денежными потоками, но вот догляд за всем этим нужен строжайший. Знаешь, как бывает: кот из дому — мыши в пляс. Тут из трех котов никого не остается.

— Я, стало быть, тоже из мышей?

— Давай откровенно, Андрей. Если кто захочет прибрать к рукам все наше хозяйство, то сейчас самый удобный момент. Учредители как с цепи сорвались — умчались воевать, жены вообще не в курсе дел концерна, так что если ты захочешь все прибрать к рукам, то у тебя для этого есть все шансы. Если останешься верен своему слову — нет шансов ни у кого.

— Ага-а, стало быть, от меня все зависит, — озорно улыбнулся бывший воровской авторитет.

— От тебя, — не поддерживая озорства, серьезно подтвердил Песчанин.

— Опять? — Варлам иронично взглянул на Антона и ухмыльнулся. — Вот ей-ей, чудные вы. Я ведь говорил как-то, с недоверия начинать надо. Значит, так, Антон Сергеевич, вы эти мысли оставьте, пустое. Я себе цену сложил еще тогда, когда пошел к вам, а за то время, что работаю с вами, только утвердился в этом. Не получится у меня быть первым: все по миру пушу и себя потеряю, сдерживать меня нужно. Вот вторым — да, это я могу хорошо, и тех, за кем я пойду, я уже давно нашел. Так что забудьте. Если здесь что будет не так, то это может быть моя ошибка, а может, меня уже не будет, — только в спину вам я не ударю.

— Здравствуйте, Виктор Михайлович.

— Здравствуйте, Антон Сергеевич. — Крепкий мужчина встретил его с радостной улыбкой прямо на причале.

Было чему радоваться: он ведь полгода не видел своих, это было первое судно в этой навигации, а стало быть, с ним прибыла и почта. Вот уже несколько месяцев он ничего не знал о своих, оставшихся во Владивостоке, поэтому хотя улыбка и была радостной, но во всем его облике угадывалось и нешуточное волнение.

— Все нормально, — тут же поспешил успокоить старпома Антон. — Ваши все живы, здоровы, детки подрастают. Я привез целую пачку писем и фотографий.

— Благодарю. — Теперь его улыбка была целиком и полностью радостной, без каких-либо оговорок. Он принял весьма объемный пакет из рук начальника, но вскрывать его не стал. — Потом посмотрю, раз уж все в порядке, то час-другой погоды не сделает.

— Я вполне располагаю временем, Виктор Михайлович, и забот у меня хватает.

— Еще раз благодарю. Но давайте сначала все же я доложусь.

— Что же, слушаю ваш доклад.

— В принципе докладывать нечего. Все идет согласно полученным мною распоряжениям. Боевая подготовка вполне на уровне, а если сравнивать с тем, с чем мне приходилось сталкиваться на флоте, так и повыше. О войне нам стало известно еще зимой — Пронин получил извещение. Здесь вполне уже сформировано ополчение. Ребятки, как только узнали о начавшейся войне, прямо-таки из кожи вон лезут на занятия. Скажу откровенно, специалистами они стали весьма хорошими, правда, непонятно, как себя поведут в боевой обстановке, — все же боевого опыта у них нет никакого. Но все, что можно было сделать, сделано, не сомневайтесь.

— Спасибо, Виктор Михайлович. А что касается подготовки, то, думаю, некое подобие боевой обстановки парням все же не помешает. Есть одна задумка.

Бабах!!!

Сашка от неожиданности даже присел. Нет, до этого момента тоже было не тихо, чай, оружие вело огонь, рывкая и посылая по цели один за другим снаряды. Но это... это было как-то по-другому. Страшно. Так страшно, что он просто опешил, а когда его и его товарищей обдало чем-то липким и противным — ощущения вообще зашкалили. Ничего не понимая, он растерянно огляделся. Вот когда его проняло до самых тайников души. Повсюду кровь — на палубе, на орудии, на ребятах и на самом Сашке, а еще скользкая, источающая непередаваемый смрад требуха, много требухи. Это что же, кого-то разорвало, что ли? Ой, божечки! Ой, мамочка! Да как же так-то!

Как его начало выворачивать наизнанку, он и сам не заметил, — в этот момент не думал о том, как будет выглядеть перед товарищами, он вообще ни о чем не думал. Ему про-

сто было плохо. Очень плохо. Во-о-от как плохо. Господи, да откуда столько-то! Да что же это, ить эдак все нутро вывернется, да нет же уже ничегошеньки, — ан нет, выворачивает и выворачивает, так что и моченьки стоять на ногах никакой. А рядом опять:

Бабах!

Быхш-ш-ш!

Теперь обдает забортной водой, так как взорвалось под самым бортом. Знатно так рвануло — всю прислугу носового орудия облило студеной водицей соленого Охотского моря, но от этого как-то даже и полегче стало: хоть немного сбило запах крови и внутренностей, а заодно и немного привело в чувство. Что это там унтер орет?

— К орудию! Мать вашу перемать! Заряжай! Дистанция пятнадцать кабельтовых! Вахрушев, кому сказано, к орудию!

Сашка, все еще стоящий на четырех конечностях, воюя со своим желудком, почувствовал, как ботинок унтера весьма увесисто приложился к его заду, заставив растянуться на палубе, обильно покрытой сгустками крови и блевотиной. Мало этой радости — так еще и лицом въехал в требуху. Его вновь обдало противным запахом внутренностей, и новый позыв рвоты рванулся к горлу, вот только исторгнуть из себя он уже ничего не мог, только свое нутро. Но долго пребывать в растерянности и жалости к самому себе ему не дали: новый пинок и мат унтера все же привели в себя.

Орудие. Ну да, орудие. Он ведь наводчик — кто будет стрелять, если он станет валяться? Нет, парни, конечно, вполне могут его заменить, вот только не управятся лучше его, — потому он и наводчик, что лучше всех управляется. Надо вставать. И быстро, не то дядька Федор еще и не так всыплет.

Господи, а он-то думал, что на войне весело, море, приключения, потопленные вражеские корабли, он весь такой героический, куда там его тезке, что обретался на бастионах при осаде Севастополя, проявляя геройство там, где взрос-

лые мужики пасовали. Нет, тому Сашке до него, Вахрушева, ой как далеко, потому как он о-го-го... Опять же тому пацану всего двенадцать было, а ему уже девятнадцатый... А вот что-то не получается. В книжках ничегошеньки не пишут о том, что когда снаряд рвется рядышком, то бывает и так вот... Ничегошеньки не пишется ни про запах сгоревшего пороха, что шибает в нос, так что голова кругом, ни про запах крови, который перешибает порох и заставляет выворачивать нутро.

— Вахрушев, итить твою!

— Я... — пытался промямлить непослушными губами Сашка. Хрясь, клац. Ой, а зубы-то на месте.

— К орудию! Якорь тебе в седалище!

Ой не к добру унтер разошелся! Нет, злить его дальше лучше не надо. Прибьет. Как есть прибьет. Сашка с трудом поднялся на ватных ногах и приник к прицелу. Мало, что ноги не держат, так еще и палуба никак не хочет быть твердой опорой. Конечно, он уже привык передвигаться и вполне уверенно себя чувствовать на ней в любую качку, а бывало, и в штормы попадали, но что-то сегодня никак не получалось прийти в себя. Корабль приблизился рывком, словно подпрыгнул, почитай, вплотную.

— Дистанция шестнадцать кабельтовых!

Сашка послушно вращает маховик, придавая нужный угол возвышения. В голове сейчас вообще никаких мыслей. Вернее, мысль-то есть, вот только странная какая-то — попасть, только попасть, все мысли вокруг этого, так что отвлекаться ну никак не хочется. Потому как тогда перед глазами сразу предстают разбросанные по палубе внутренности. Шкала послушно ползет вниз, он сажает птичку прицела на середину борта. А кого это разорвало-то? Вахрушев хотел было оторваться от прицела и осмотреться, но тут же переборол это желание, а вернее, открестился от него, так как стало очень страшно. Потом, все потом, сейчас нужно всадить снаряд в борт этого чертова корабля. Оружие резко вздрогнуло, панорама подпрыгнула и тут же

вернулась в прежнее положение, а потому Сашка прекрасно рассмотрел, как снаряд ударил точно в борт — не туда, куда целился парень, но все же. Сквозь вату, залепившую уши, он все же расслышал, как сочно клацнул затвор, принимая следующий снаряд. Сейчас некогда отвлекаться, прицел точен, нужно стрелять и стрелять настолько быстро, насколько возможно. Орудие успеваешь рывкнуть еще пять раз, по старым установкам, добившись еще одного попадания, затем становится видно, что данные безнадежно устарели, так как снаряды летят уже с перелетом, но на дальномере не дремлют.

— Пятнадцать кабельтовых! — звучит зычный голос унтера. Ага, стало быть, опять сближаемся...

— Антон Сергеевич, не слишком ли? — Кузнецов осуждающе смотрит на Песчанина. — Мальцы ведь совсем, а мы их...

— Здесь нет мальцов, Виктор Михайлович. Нет и не может быть. Здесь русские моряки, а еще те, кому предстоит сойтись с противником лицом к лицу. Мне бы очень не хотелось, чтобы кто-нибудь из них дал слабину в самый ответственный момент, а для этого нужна банальная тренировка. Если найдутся такие, что не смогут переступить через себя, то спишем без сожаления. Нет, послужить они еще послужат, будут передавать свои знания в Артуре, но на палубе им делать нечего.

Банг! Вновь рывкает орудие, посылая снаряд в уже полыхающую шхуну.

Бабах! Вторит ей на палубе неподалеку от носового орудия.

Только что бросивший взрывпакет унтер тут же вооружается ведром, которое принес с собой, и выплескивает его содержимое на орудийную обслугу. Антона самого передергивает от этого, но повторный кровавый душ с требухой парни переносят хотя и не с восторгом, но уже более хладнокровно. Вслед за этим раздаются еще три взрыва один за

одним — на корме и в районе надстроек. Господи, в какую же помойку превратился «Росич»! Ничего, отдроят.

Быхш-ш-ш. Взматается фонтан воды, обдавая моряков студеной морской водой. Ага, сработал еще один заряд в воде. Ох и пришлось же помучиться унтерам, устанавливая эти заряды, да еще стараясь сделать так, чтобы никто из ребят ничего не заметил.

Это была уже восьмая шхуна японских браконьеров, реквизируемая рыскающей в этих водах своеобразной флотилией, в состав которой входят миноносец, матка «Чукотка» и два парохода — «Чайка» и «Баклан». Команды японцев сейчас находятся на пароходах, под охраной ополченцев.

Несмотря на то что в прошлом году команда «Росича» неслабо потренировалась в стрельбе по конфискованным рыбацким шхунам, Песчанин решил, что новая практика будет совсем не лишней. Опять же нашлись снаряды с болванками — эта шхуна была только второй, на которую расходовались вполне боевые фугасы. Расточительно? Возможно. Но необходимо. Все происходило просто. Миноносец догонял рыболовецкое судно, заставляя его остановиться, затем подходил один из пароходов, снимал экипаж, на шхуне устанавливались паруса, и она отправлялась в свободное плавание, выписывая самые несуразные маневры, а экипаж миноносца расстреливал ее.

Правда, судов было задержано двенадцать, но на четыре из них у Антона не поднялась рука: больно уж в хорошем состоянии они были. В конце концов для тренировок судов вполне хватало, а эти, бог даст, еще послужат новым хозяевам.

Нет, ну надо же, до чего додумались! У-у, изверги! Сашка никак не мог поверить в то, что все его товарищи живы и здоровы. Понятно, что все с позеленевшими лицами и в полном расстройстве чувств, но целы и невредимы. Вот кто это придумал — выплескивать на них кровь и требуху забитых поросят? Да как им вообще их отдали хозяева хрюшек? Ведь из этого можно еще всяких вкусностей понаделать. Не

иначе как Антон Сергеевич прикупил, он человек щедрый. Но тут помимо воли на губах появилась улыбка. Нет, ну как их, а? Вот ни в жисть больше на такое не поведусь.

В очередной раз улыбнувшись, Сашка опустил машку в море, затем выдернул изрядно потяжелевшую и ухнул ею о палубу, смывая уже изрядно пованивающую кровь. Все внутренности уже были выброшены в воду — теперь нужно было отдраивать корабль. Вот закончат — всех на «Чукотку» отправят, в баню и на постирушки. Когда его друг Васька вышел на палубу и увидел, в каком состоянии находится палубная команда, взглянул на разбросанные кишки, то сначала побледнел, но, когда до него дошло, что именно здесь произошло, смеялся от души и долго не мог успокоиться. А потом появилась машинная команда. Похоже, парням тоже неслабо досталось, вот только там прибираться куда труднее, чем на палубе.

— Чего это тут у вас было-то?

— Не видишь, тренировка.

— Ничего себе. Я как вышел, думал, что тут вас всех как на бойне разделали.

— Ага, тебе хорошо, ты эвон в акустиках, у вас там никто не стал гадить, а нас тут...

С Васькой они были дружны не меньше семи лет. Да, примерно тогда-то они и сошлись в столице, по одиннадцать годков им было, когда оба оказались в приюте. Жизнь там выдалась не из легких. Старшаки сразу же начали разъяснять новичкам, кто есть кто и где их место. Били их часто и крепко, потому как мальцы ни в какую не хотели ни под кем ходить, а заводилам это было явно не по душе. Но как бы трудно ни было, через пару лет они отвадили от себя старшаков, держась наособицу и стараясь никуда не влезать. Можно было и рвануть куда глаза глядят, да была у них страсть, у каждого своя, но привязала она парнишек к приюту крепче самых крепких пут. Васька прямо-таки прикипел к учителю музыки, который учил его играть на пианино. Федор Апполинарьевич нарадоваться не мог на своего уче-

ника, говоря, что у него абсолютный музыкальный слух. Васька, даже впервые увидев это пианино, сумел наиграть то, что сыграл учитель, просто угадывая, на какие клавиши нужно жать.

С Сашкой история была схожей. У него проявилась страсть к рисованию. Вернее, она у него была всегда. Он рисовал всем, что могло оставить рисунок, и везде, где только возможно. В основном в дело шли угольки либо от обгоревших дощечек, либо, если уж совсем везло, настоящим углем. Правда, когда он сообразил, что уголь можно найти на железной дороге, стало куда легче. Однажды он умудрился нарисовать куском угля батюшку Антония, что вел у них богословие. На беду Сашки или на счастье, сам священник его за этим и застал, но по счастью человеком он был незлобивым, и, хотя заставил все стереть, привел мальчонку к одному своему знакомому, который оказался художником. Рисовал он много и разное, но нередко брался и за росписи церквей, и за рисование икон.

Игорь Иванович, мужчина в годах, со всклокоченной шевелюрой и такой же бородой, в просторной рубаше, извазданной красками, оказался человеком нелюдимым и сначала показался Сашке очень злым. Окинув мальчика недовольным взглядом и столь же ласково взглянув на батюшку, он нехотя положил перед Вахрушевым листок бумаги и вручил карандаш, предложив нарисовать все, что душе угодно, пока они со святым отцом выпьют по чашечке чая. А через полчаса знакомый отца Антония уже мертвой хваткой цепился в тринадцатилетнего мальчишку, никак не желая верить в то, что его никто и никогда не учил рисованию. Да, были ошибки, да, были огрехи, да, работу назвать достойной было нельзя, но на представленном наброске в сидящих за столиком и попивающих чай мужчинах легко угадывались священник и художник.

А потом приют посетил один дядька, который из всех отчего-то выбрал именно их двоих, и друзья поехали в далекие

дали. МОРЕМ! На настоящем корабле, да еще и под парусами! КРАСОТА!

Правда, места, где им довелось быть, оказались весьма суровыми: короткое холодное лето, затяжная и студеная зима. Но не сказать, что это сильно огорчило друзей. Здесь они не были сиротами, здесь они были юнгами, и помимо того, что их обучали различным специальностям, привлекали на различные работы, из них готовили настоящих моряков. При приюте была самая настоящая большая парусная шхуна, на которой они ходили в море под присмотром директора приюта, морского офицера в отставке, и унтеров, всех в прошлом моряков. Года два назад всех их разделили на отдельные группы и стали готовить из них специалистов. Ваську записали в класс акустиков, Сашку — в артиллерийский класс. Они продолжали общаться и видеться каждую свободную минуту, но обучались уже по отдельности.

— А зачем вас так-то? — не унимался Васька.

— Вот учат тебя, учат, а ты как был балбес, так и есть. А ну как в бою кого ранят, а его кровью остальных забрызгает, — и чего, все блевать кинутся, а стрелять кто будет? Вот и тренируют, чтобы привыкали, значит.

— И что, ты того, блевал?

— Вот еще.

— Да а кто же тогда? — Васька с ухмылкой многозначительно кивнул на загвазданную палубу. Ага, постарались на славу. Артельно, можно сказать.

— А то некому, — подбоченившись самодовольно заявил Сашка. — Мне глупостями заниматься некогда, не то из орудия стрелять некому.

— Стало быть, не ты?

— Смеешься? Если бы я блевал, то кто бы то корыто на дно отправил?

— Тоже верно, — согласился друг, напрочь позабыв о том, что не только от наводчика зависит боеготовность орудия: ведь кто-то должен и снаряды поднести, и зарядить орудие, а кто будет все это делать если все только и делают,

что полощут палубу? К слову заметить, кто же эдак сподобился, Васька так и не узнал, так как все без исключения с многозначительными ухмылками намекали на каких-то умельцев, не называя их имен и ни в коей мере не причисляя себя к их числу.

После плавания, продлившегося несколько дней, пароходы более чем с двумястами захваченными рыбаками, в сопровождении четырех шхун, взяли направление на Авеково. Антона вовсе не порадовало то, что ему так и не позволили завезти рабочих на прииск — это грозило большими убытками, — так что он решил действовать несколько иначе. Рыбакам на этот сезон придется переквалифицироваться в рабочих. Нет-нет, никаких военнопленных и лагерей. Все культурно и цивилизованно. Договор о найме, причитающееся жалованье, жилье, прокорм, медицинское обслуживание — одним словом, все как и положено. Конечно, охрана будет, без этого никуда, но в целом, когда рыбаки вернутся домой, у них в карманах будут деньги, и как бы не больше, чем они смогли бы заработать на рыбном промысле, — ну тут уж как будут работать. Хотя народ трудолюбивый, чего уж там, так что без заработка не останутся.

Перед отплытием из Магадана была у него беседа и с Прониным, что сейчас числился здесь у руля. По имеющимся сведениям, гарнизон на Шумшу готовился к захвату Камчатки, а после, ближе к осени, планировался рейд и в Авеково с Магаданом, дабы захватить золото и пушнину. Относительно пушнины было доподлинно известно, что японцы намеревались вырезать все поголовье зверя, их интересовал только ценный мех. Так вот чтобы избежать этого, чиновник уже сбивал ополченцев в подразделения, к побережью Камчатки выдвинулись разведчики, которые должны были принести весть о десанте. Так что, едва получив оную, магаданцы отправятся морем на помощь камчатцам, а там, глядишь, и еще рабочей силой разживутся, и опять же

на договорной основе, на прииск, благо с рыбкой и сами способны разобраться. Что бы там ни говорили представители власти, но останавливать предприятия Антон не соби-рался.

Переход до Корейского пролива прошел спокойно и без каких-либо трудностей. По пути навстречу «Росичу» и «Чу-котке» попались несколько судов: навигация-то в самом разгаре. Конечно, война, и былого оживления не наблюда-ется, но все же суда ходят, товары доставляются, торговля живет. Чем ближе Япония, тем интенсивнее движение, а ближе к проливу судов стало еще больше. Но в планы Анто-на вовсе не входили нежелательные встречи, а потому его небольшой отряд обходил всех встречных. Днем выручало то, что суда возвещали о своем нахождении дымами, и тогда два русских корабля уклонялись в сторону, обходя обнару-женных по большой дуге, благо сами дымного шлейфа не давали. Ночью помогали гидрофоны. Вот так они и оста-лись не замеченными никем.

К проливу подошли с наступлением темноты, намерева-ясь за ночь проскользнуть через него и в достаточной мере отдалиться в Восточно-Китайское море. Только там, на от-крытых просторах, Антон собирался взять курс в Желтое море, а дальше на Артур. Задача непростая, но выполня-емая — с теми-то преимуществами, что имелись у него. «Чу-котка» вполне могла поддерживать постоянную скорость в семнадцать узлов, а при необходимости в течение несколь-ких часов даже держать двадцать один узел. Много было пролито пота, свернуто мозгов и затрачено денег на пере-оборудование этого грузо-пассажирского судна, не говоря уже о его покупке, но результат радовал. Турбины придали ему резвости — теперь за ним мог угнаться далеко не каж-дый военный корабль.

«Росич» подобно сторожевому псу крутился вокруг мат-ки, время от времени ложась в дрейф, прошупывая гидро-фонами окружающие воды. Песчанин скрежетал зубами от-того, что не может себе позволить немного поохотиться, —

настолько активным было здесь движение. Они едва успевали отворачивать в сторону, чтобы не слишком приближаться. Ходовых огней не зажигали, шли в полной темноте: ну его к ляду, попадетса еще какой крейсер да решит устроить досмотр. А так... Тишком-бочком, только бы не заметили.

Пролив миновали удачно, и, когда взошло солнце, были уже в открытом море, вне видимости берегов. Антон едва сумел перебороть себя, чтобы не вернуться к первоначальному плану. А планировал он, оставив матку в открытом море, заправить цистерны под завязку и рвануть на «Росиче» наводить порядок в Корейском проливе: худо-бедно, но несколько транспортов он вполне реально мог оприходовать, а то и какой боевой корабль. Понятно, что сейчас так не принято, сначала будьте любезны остановите судно, досмотрите, снимите экипаж — и только потом пускайте его на дно, причем не имеет значения, нейтрал это с контрабандой или военный транспорт противной стороны. Вот не трогай некомбатантов — и все тут. Если по тебе с палубы транспорта хоть из револьвера стрельнули — тогда да, тогда топи без зазрения совести, а до того — ни-ни. Идиотизм.

Когда проходили на траверзе Чемульпо, вновь ручки зачесались. Ну почему, собственно говоря, нельзя? Ведь противник. Сейчас в этом порту идет весьма активный каботаж, корабли ходят пачками, доставляя различные грузы — от продовольствия до огневого снаряжения, — а также живую силу: без пополнения никак. Ну хоть парочку транспортов, удачно сложится — можно на пару тысяч уменьшить армию микадо. Отчего-то о том, что там вполне живые люди, Песчанину не думалось. Просто голые цифры, и все, ни лиц, ни осознания того, что вот сейчас он с легкостью рассуждает о том, чтобы уменьшить на пару-тройку тысяч армию Японии, — а ведь это крестьяне, рабочие, интеллигенция, у всех у них семьи, дети, старики, которые ждут возвращения своих сыновей. Но нет, просто голые цифры. Может, оттого, что он старался не думать о них как о людях? Да нет. Все иначе. Он до сих пор не воспринимал все это настолько се-

ррезно. Что было до этого момента? Остановили шхуну, сняли экипаж, расстреляли пустое судно. Все. Конечно, ему приходилось убивать, но это несколько другое: масштабы не те.

— Что так задумались? — обратился к пригорюнившемуся командиру Кузнецов.

— Это вы, Виктор Михайлович? — обернувшись, узнал Антон старпома, который в настоящий момент должен был отдыхать: вахту стоял сам Песчанин. — Да вот думаю. Рвануть бы сейчас в Чемульпо — там наверняка сейчас не протолкнуться от транспортов, — наделали бы шороху.

— А оно того стоит?

— О чем вы?

— Ну наделаем мы шороху, всполошим япошек раньше времени — и чего добьемся? Не-эт, Макаров прав, если есть вариант ввести сразу отряд, отряд и надо вводить, чтобы как гром среди ясного неба.

— Вы думаете, я этого не понимаю?

— Уверен, что понимаете. Вот только маетесь, так как долго готовились к этому, казалось бы, вот уже на месте и противника можете достать, и деться ему некуда, и корабль хочется пустить как гончую, потому как палуба жжет ноги, а опять нужно ждать.

— Один в один.

— Знаю. Самого трясет так, что моченьки никакой. Тем более что меня ведь в Артуре и списать могут.

— Это еще с чего?

— Так на пенсии.

— Вы думаете, там настолько все хорошо с офицерским составом, что вот так легко отмахнутся от офицера, пусть и пенсионера, который имеет опыт вождения данного корабля? Не смешите. Как бы вам не пришлось еще и вступить в командование каким из «Росичей» — я бы именно так и сделал.

— Вашими бы устами да мед пить.

— Так хочется в бой?

— Я пришел на флот, когда война с турками уже закончилась, всю жизнь только и делал, что готовился к войне, серьезно так готовился, без дураков. Поначалу это была просто юношеская восторженность, потом повзрослел, но оттого, что ума поприбавилось, пыла ничуть не утратил и продолжал совершенствоваться, знакомиться со всем новейшим, до чего вообще мог дотянуться. По боевой подготовке неизменно в первых был. Я всю свою сознательную жизнь готовился постоять за Родину, а как пришел момент — оказался не у дел.

— А как так случилось, что, будучи на хорошем счету, вы не смогли сделать карьеру?

— Ну не всем ведь быть адмиралами... — Но, увидев, что Песчанина ответ не удовлетворил, махнул рукой и закончил: — Пустое, Антон Сергеевич.

— Ну, нет так нет. — Антон поднял трубку. — Машинное, стоп машина. — В дальнейших командах необходимости не было. Акустик на вахте, а стало быть, как только машина остановится, сразу же примется обшаривать окружающее пространство. Не сказать, что ночь была из самых темных, но все же безлунная, так что работа для гидрофонов имелась.

Машина замерла, и ставший уже привычным гул работающих механизмов прекратился. Едва это произошло, Василий тут же нахлобучил головные телефоны и, устроившись поудобнее, начал вращать маховики настройки гидрофона. Дело привычное, чего уж там. Конечно, в Охотском-то море не так часто приходилось практиковаться, но как только вышли в Японское, а уж тем паче приблизились к проливу, то работы было столько, что только и успевай поворачиваться.

С начала похода Василий уже успел окончательно перепутать день и ночь, так как его вахты были только по ночам: днем ему давали отоспаться. Мало того — его никогда не привлекали на приборку или на другие работы, если только прибраться у себя в посту. Антон Сергеевич, ну то есть их

благородие, строго-настрого запретил трогать акустика. И то верно. Камни носить не приходится, но за ночь так наслушаешься, что к утру голова как чугунная, едва донесешь ее до подушки — и все, словно свет выключают. А ему нужна голова светлая, чтобы не услышать того, чего и нет, — и вовсе и наоборот, не пропустить того, что появилось.

Маховики вращаются, чисто. Стоп, а это что? Так, подправить еще чуток, еще малость, нет, назад. Есть. Странный звук. Вроде как похоже на тот, что слышал на пластинке, но другой, ну это-то понятно, а вот характер звука... Ну да, крейсер. Нет, точно крейсер.

Несмотря на то что с практическим опытом у Малкина было слабовато, работал он над овладением специальностью весьма вдумчиво. Если бы ленился, нипочем не записали бы в основной состав, — а так вот он, на «Росиче», а не на «Чукотке», и не гадает, возьмут в экипаж миноносца или нет. Так что очень много времени он посвящал прослушиванию пластинок с записями шумов самых различных кораблей, какие только сумели записать в НИИ. Мало того — он был уверен, что непременно сумеет опознать те суда, шумы которых неоднократно прослушивал, но они пока не попадались. Впрочем, в этом нет ничего удивительного: звон сколько кораблей понастроено.

— Ваше благородие, акустик, пеленг семьдесят, шум винтов, цель одиночная, классифицирую крейсер, большая дальность.

— Принял. Сигнальщик, цель по пеленгу семьдесят. — Антон положил трубку и хищно улыбнулся: да пошло оно все. Ну нет больше мочи терпеть. А потом, пусть еще поймут, что это было. Все, решено. Песчанин вооружается гарнитурой радиостанции — радист сейчас отдыхает, он ведь не железный, опять же один, так что радиостанция настроена на телефонный режим, с коим любой вахтенный вполне справится. — «Матка», здесь «Ноль первый», прием... — Можно обойтись и без позывных — прослушивать все одно некому, — но лучше уже начинать привыкать.

— «Ноль первый», здесь «Матка», прием.

— Пеленг семьдесят, обнаружен корабль, предположительно крейсер, большая дальность. Отворачивайте на курс двести семьдесят. — Крюк изрядный выйдет, но лучше так: уже через пару часов начнет светать, так что пусть матка держится подальше.

— Пеленг семьдесят, предположительно крейсер, отвернуть на курс двести семьдесят. Прием.

— Все верно. Подтверждаю. Прием.

— Принял. Выполняю. Конец связи.

— Ваше благородие, по пеленгу семьдесят цель не обнаружена.

Ага, это сигнальщик. Выходит, идут с потушенными огнями. И что это значит? А то и значит, что это японец: к гадалке не ходить, блюдут светомаскировку. Ну-ну. А мы поглядим, кто это там такой умный.

— Машина, полный вперед. Курс семьдесят. — Вода под кормой забурлила, и потерявший было ход миноносец вновь начал увеличивать скорость. Рулевой послушно переложил штурвал, и «Росич», слегка завалившись, начал менять направление движения.

— Я правильно понимаю, Антон Сергеевич, вы собираетесь его атаковать?

— Правильно, Виктор Михайлович. — Антон включил колокола громкого боя, и по всем отсекам кораблика разнесся сигнал боевой тревоги. Отдыхающая смена с нескрываемым возбуждением посыпалась со шконок и бросилась по местам согласно боевому расписанию. Еще бы! Это там, в Охотском море, они все время бегали за рыбаками, а здесь тревога могла означать только одно: на горизонте враг. Вот сейчас они им зададут. Век помнить будут.

— А как же приказ Макарова?

— Приказ — это замечательно, да только поглядите, какая темная ночь. У нас оптика, специально приспособленная для наблюдений в ночных условиях, у японцев, да и ни у кого другого, этого нет и в помине, так что обнаружить нас у

них вряд ли получится. Атакуем с пятнадцати или семнадцати кабельтовых — и отвернем.

— А если это, к примеру, англичанин?

— Ну и что? Нечего в районе боевых действий с погашенными огнями шастать.

— Ну а если это какой-нибудь авизо? Не жалко мин — они ведь переделанные, дальнеходные?

— А война — она вообще штука затратная. А потом, цена даже новых четырех торпед и даже самого старого авизо несопоставимы. Николай Николаевич, готовьте все четыре аппарата, — сразу же встретил минного офицера Антон.

— Есть, — только что был — и вот словно ветром сдуло.

— Вижу цель, пеленг двадцать! — Сигнальщик взволнован, едва не дает петуха. Ну да оно и понятно — первое сближение с боевым кораблем. Это потом парнишки пообвыкнут, а сейчас для них все в новинку, нервы на пределе.

— На дальномере.

— Цели не наблюдаю. — Понятно, это в ночную оптику корабль уже определился, на дальномере она послабее будет. Как бы то ни было...

— Курс тридцать пять. — Нужно взять упреждение, чтобы торпеды имели возможность поразить цель с как можно большей дистанции.

— Есть курс тридцать пять.

Вновь легкий крен — и «Росич», рассекая водную гладь со скоростью в тридцать пять узлов, устремляется напересечку противнику. Его пока не видно, но это только пока. Аппараты к бою изготовлены, экипаж стоит по боевым постам, ребята заметно нервничают, напряжение ощущается прямо-таки физически. Ну, Господи помилуй.

— Вижу цель! Дистанция двадцать четыре кабельтовых!

Вот и ладушки. Ход тут же снижается до крейсерских десяти — незачем выдавать себя бурунами, да и торопиться некуда. Антон приникает к ночной оптике, которая в настоящий момент застопорена в боевом положении и выполняет роль прицела. Корабль виден смутно, только очерта-

ния — ни принадлежности, ни класса установить не получается. Хотя, судя по контурам, на крейсер все же не тянет, водоизмещение тысячи три-четыре, но это так, умозрительные заключения, основанные на среднепотолочных данных. Две слегка скошенные назад трубы. Вроде вырисовываются очертания орудий, но полной уверенности нет. А с другой стороны, на гражданское судно не похож.

— Доверни на пару градусов вправо. — Рулевой послушно выполняет команду, и контур корабля начинает перемещаться в намертво закрепленной оптике, вроде нормально. — На дальномере.

— Дистанция двадцать кабельтовых.

Рано. Мины будут запускаться на тридцатиузловой скорости, дальность хода в двадцать два кабельтовых — нужно отыграть еще хотя бы пару для полной уверенности, тем более что обстановка вполне это позволяет. Цель опять смещается, по прикидкам, идут двенадцатиузловым ходом или около того.

— Еще вправо на один градус.

— Есть право на один градус.

Вновь корабль перемещается немного назад. Вроде нормально получается с упреждением. Дальномерщик продолжает выдавать дистанцию. Ага, восемнадцать кабельтовых. Пора!

— Первый пошел!..

— Первый пошел! — вторит Некляев, минный офицер «Росича». Толчок. Легкая дрожь палубы под ногами. Всплеск.

— Второй пошел!..

Все, теперь пора отваливать. Попадут торпеды в цель или нет, уже не имеет значения — нужно уходить. Все, что могли, они уже сделали: четыре сигарообразных вестника смерти уже мчатся к своей цели.

— Лево сто!

— Есть лево сто.

Угол довольно велик, а потому, несмотря на небольшую скорость, «Росич» дает ощутимый крен — конечно, не так, как даже на среднем ходу, но все же. Антон замер, наблюдая за секундной стрелкой. Черт, как все же медленно тянется время. На палубе движение, минеры спешно, но без суеты перезаряжают аппараты: все же великое дело тренировка. Время.

Проходит еще несколько лишних секунд, прежде чем раздается взрыв, затем с трехсекундной задержкой еще один. И все, тишина. Похоже, первая и последняя мины прошли все же мимо. Антон вновь прикидывает к оптике, развернув ее в сторону атакованного противника. Хотя виден только контур корабля, сразу заметно, что он сильно кренится на правый борт. Включилось освещение, но практически сразу погасло — значит, динамо-машина издохла. Замелькали какие-то огоньки, которые начали беспорядочно метаться по палубе: не иначе как члены экипажа вооружились фонарями. Крен продолжает неуклонно расти, вот он достиг угрожающего угла — и корабль начинает опрокидываться. Антон как замороженный наблюдает за этой картиной агонии. Попробовать кого-нибудь спасти? Ну уж нет. Не дай господь, окажется, что это какой-нибудь нейтрал. Да и парням сейчас ни к чему смотреть на людей, беспомощно болтающихся в воде и молящих о помощи. Одно дело представлять себе эту картину, совсем другое — наблюдать воочию. Нужно отправляться на поиски «Чукотки», здесь они свое дело уже сделали.

— Ваше превосходительство, вы приказали сообщить в любое время, если на связь выйдет прапорщик Песчанин.

Дукельский, вытянувшись в струнку, стоял перед Макаровым, который со сна часто моргал и никак не мог сосредоточиться. Чертов Того — и нейдет же ему, — этой ночью была повторная попытка запереть проход, а как следствие — бессонная ночь для адмирала, которая по счету. Слава

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Прибытие в Артур	5
<i>Глава 2.</i> Западня	44
<i>Глава 3.</i> Рейд.	105
<i>Глава 4.</i> Тафаншин	134
<i>Глава 5.</i> «Божественный Ветер»	197
<i>Глава 6.</i> Контрудар	244
<i>Глава 7.</i> «Мы пойдем другим путем...»	296
<i>Эпилог</i>	333